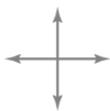

АРТЁМ ПЕРЛИК

ПАТРИСТИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

АРТЁМ ПЕРЛИК

ПАТРИСТИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

ПАТРИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Артём Перлик

© 2024, Orthodox Logos Publishing, The Netherlands

www.orthodoxlogos.com

ISBN: 978-1-80484-167-9

This book is in copyright. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published without a similar condition, including this condition, being imposed on the subsequent purchaser.

АРТЁМ ПЕРЛИК

ПАТРИСТИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

ORTHODOX LOGOS PUBLISHING

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	9
----------------------	---

ОНТОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

КУЛЬТУРА И ТВОРЧЕСТВО

В ПОНИМАНИИ ОТЦОВ	12
-----------------------------	----

Древние Святые отцы о пользе искусства.	13
---	----

Творчество и святые отцы	23
------------------------------------	----

Кто из святых обходился без культуры	25
--	----

О «Согласии отцов» в литературе.	26
--	----

Мысли Варсонофия Оптинского	30
---------------------------------------	----

Фрагмент из Библии о значении творчества	31
--	----

Святой Иоанн Кронштадтский и творчество	36
---	----

Искусство и богословие	38
----------------------------------	----

Современные примеры отношения подвижников к творчеству	39
---	----

Слава Господня	54
--------------------------	----

О ПОЭЗИИ И О РАЕ	56
----------------------------	----

О стихе	59
-------------------	----

Небесная поэзия	60
---------------------------	----

День языка	60
----------------------	----

Миф и поэзия	62
------------------------	----

Читающие	63
--------------------	----

Книга, мир и читатель	64
---------------------------------	----

О катарсисе	67
Культура и её боязнь	68
Господь в жизни писателя	70
Поверхностное чтение и глубина	73
О великом свойстве великих книг	74
Разделённость и целостность человеческой жизни и творчества	74
Предел зрения	76
Существуют ли национальные литературы?	76
Сказка как новое зрение	77
О писателях и о Духе	78
Писатель и богословие	80
Сказка и доверие	80
Глубины литературы	81
Поэт, чувства, традиция	83
Популярность скверных стихов	84
Классик	85
Эмиграция и литература	86
Размышления о поэзии и прозе	86
Мысли мудрых читателей о литературе	89
О соотношении пользы и творчества	91
Роли литературы	92
О чистой мудрости древних сказаний	93
Творчество прозрений и творчество развлечения	94
Нужен ли Шекспир для спасения?	98
Можно ли «перерасти» культуру?	99
Писатели и порок	99

В какой книге всё есть?	100
К кому сойдёт Дух Святой	101
Культура и прогресс	101
Источник культуры	102
Творчество, чистота, красота	102

ЧУДО СКАЗКИ

СКАЗКИ	106
Внутренняя сила сказки	106
Промысел	109
Сказка и искушения	109
Радость жизни и радость сказки	111
Детство и сказка	113
Как пишут сказки	114
Друг героя	116
Место действия	118
Бегство или возвращение	119
Защита и избавление	120
Преодоление страха	121
Обновлённый взгляд	122
Сказка, сребролюбие и вознаграждение	124
Мир и мораль сказки	125
О заботе	128
О высоте в сказке	129
Исцеляющая сила сказки	130
Мудрость сказки	135
О сказке и литургии	137

Сказка и доверие Богу	142
Зачем нам сказка?	143
Сказка как явление мира	143
СКАЗОЧНИКИ	146
Андерсен	146
Джеймс Барри	161
Сельма Лагерлёф	164
Редьярд Киплинг	166
Евгений Шварц	168
Кеннет Грэм	169
Туве Янсон	176
Астрид Линдгрэн	179
Аллан А. Милн	184
Вильгельм Гауф	190
Отфрид Пройслер	192
Клайв Льюис	193
Джон Толкин	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
КОНЕЦ	224

ВСТУПЛЕНИЕ

Патристическая филология – книга, в которой излагается, созданное мною на основании древнего и нового святоотеческого наследия, богословие человеческого творчества, его целостности и многообразия. Творческая способность есть одно из фундаментальных свойств образа Божьего в человеке, одна из граней его богоподобия, возможность умножения божественного пространства, причастного истине и вечности, сохраняемого Господом как незыблемое сокровище Небесного Иерусалима.

Первая часть книги «Онтология творчества», рассматривает именно это богословие, основанное на мысли святых отцов и подвижников православия. Вторая часть «Чудо сказки», касается непосредственно богословского осмысления жанра авторской сказки, способного нести в себе глубочайшие смыслы о жизни и Боге, раскрывая их в своей неповторимой форме. (Человеческое творчество в этой книге понимаемо широко, как всякий вид человеческой деятельности, направленный на умножение красоты и добра). Из всего многообразия литературных жанров и направлений творчества, мною взяты к рассмотрению именно авторские сказки, как произведения способные с особенной полнотой передавать идею «пронизанности» мироздания Богом, мысль о сказочности нашего мира, которую Андерсен выражал словами: «Лучшей сказки чем жизнь не существует». Благодать превращает в чудо

даже чашку чая, выпитую нами в кафе, а сказка на глубочайшем уровне передаёт это особое ощущение мира как Божьей сказки.

Когда я ещё не был женат, мы часто гуляли по улицам с моей будущей супругой, и когда я отправлялся домой с автобусной остановки, она становилась за колонной и смотрела как я уезжаю, хотя я и не знал, что она наблюдает за мной. Эту книгу я посвящаю ей, так как без того, чтоб она всегда «стояла за колонной» всех моих трудов, эта книга не могла бы быть создана так, как она появилась в мире.

ОНТОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

КУЛЬТУРА И ТВОРЧЕСТВО В ПОНИМАНИИ ОТЦОВ

Культура – это исполнение заповеди Господней «возделывать и хранить рай», то есть умножать свет в себе и в окружающем мире, создавая ту красоту, которой ещё не существовало, но которая приходит в мир благодаря сотворчеству Бога и человека. Потому она – не нечто внешнее, не забавный довесок к падшему человечеству, но раскрытие образа Божьего в нас и исполнение заповеди Господней. Иоанн Дамаскин называет признаками богоподобия *«достоинство ума и души, неуловимое, невидимое, бессмертное, свободное, господственное, производящее и творческое»*. Заповедь о возделывании и хранении рая в данном случае (как и вообще в случае с заповедями), нужно понимать как откровение Божие о назначении человека в бытии, о сути его призвания в жизнь, как малого творца, который наполняет созданную им красоту светом Господним.

Потому *«Отцы и учителя Церкви подчёркивали изначальное божественное происхождение культуры»*, – излагается в Социальной концепции РПЦ.

Человек, создающий новое делится с другими, прежде всего, опытом благодати, опытом ликования о бытии и опытом Бога. Это верно и в отношении нецерковных, но настоящих авторов. Потому что побудить к творчеству, вдохновить может один только Бог. Само вдохновение, по Григорию Паламе, есть одна из энергий Божественных,

то есть Бог вдохновляет человека Самим Собою. Именно опытом благодати, благодатной мудрости и красоты, в конечном итоге, делится автор, даже если он совсем далёк от богословского объяснения своей работы.

Климент Александрийский так говорит о культуре: *«Писание общим именем мудрости называет вообще все мирские науки и искусства, все, до чего ум человеческий мог дойти... ибо всякое искусство и всякое знание происходит от Бога».*

Само желание автора дарить и давать, умножать свет и нести красоту говорят, в данном случае, о божественном происхождении людских даров, боговажном предназначении их, когда человек раскрывает себя по образу Своего Бога как тот, кто несёт в бытие свет и добро.

Древние Святые отцы о пользе искусства.

Апостол Павел. Тот факт, что апостол четыре раза цитирует в посланиях античных писателей, говорит о том, что высокая литература способна предельно выражать глубины людской души, что вообще свойственно тому, чего касается Дух.

В некоторых случаях апостол наделяет античные строки тем христианским содержанием, которое ускользало и от самих авторов, но всё же, было сказано через них, как-то и бывает через прикосновение Духа.

Факт цитирования античных авторов апостолом так же говорит о том, что светлая церковная традиция с самого начала вбирала всякую мысль, которая, по сути, была христианской, хотя выразил её и не христианин. Так апостол, и вслед за ним живущие Духом, умели отличать в мировом культурном наследии те явления культуры и строки, которые рождались от прикосновения Духа, в полноте знакомого только христианам.

Ириной Лионский говорит о том, что искусство посредник между Богом и людьми, оно понятливее выражает нам высокие вещи.

То есть, оно и указывает на эту высоту через образ и являет её саму в себе через живущую в подлинном творчестве благодать, когда Сам Дух наставляет человека и ведёт его к катарсису.

Климент Александрийский. Искусство влияет на душу человека, и в хорошем смысле тоже.

Это важно, потому что отцы первого века нередко негативно отзываются об искусстве античности, имея ввиду, впрочем, тот факт, что античное искусство ещё не преображено. Они же допускали, что, если искусство преобразится в духе, то оно будет целебно и значительно.

Василий Великий призывает в своей проповеди живописцев написать жизнь мученика, говоря, что это будет понятнее его слов.

В этом поразительное открытие святого, который видит, что искусство зримо являет духовную красоту и Бога, вне морали и поучений, а просто открывая, что есть свет истины, и красота, и добро.

Истинность слова всегда связана с истинностью жизни. И великий и малый писатель подлинны в том, в чём их сердце уже живёт истиной Духа. Ни начитанность, ни красноречие не могут заменить благодати. Но посмотрите на древних философов и средневековых китайских поэтов или ещё на кого угодно, и вы увидите, что благодать творческого постижения открывается автору там и в тех строках, где его сердце живёт созвучно благодати, где оно выстрадало и выносило некую истину Духа.

Святые поэты Амвросий Миланский, Колумба Шотландский, Кедмон Уитбийский, Илья Чавчавадзе, Григорий Богослов. Есть и святые, которые в том числе писали стихи: Симеон Новый Богослов, Иоанн Румын Новый

Хозевит, Григорий Перадзе, Серафим Вырицкий, Варсонофий Оптинский.

Святой Василий Великий говорит в «Шестодневе», что всякая красота мира и всё лучшее в нём имеет только один источник – Бога. Потому всё лучшее и красивое, принадлежа Богу, даруется Им христианам. И это в полной мере касается всей красоты, которая рождена вне церкви – красота может быть вдохновлена только Духом, а потому она есть дар Господень этому миру, плод сотворчества Бога и человека, в данном случае неведомый нецерковным авторам, но оттого не менее реальный.

Потому Василий считал, что сочинения язычников приносят христианам и вообще всем людям огромную пользу. «Через посредство философии и литературы, скульптурных изображений и мозаичных картин античности человек, по мнению святителя, также может в значительной мере приблизиться к истине христианства. Как срывая розу, мы способны избежать её шипов, так читая труды Гомера или Платона, мы можем, оставив в стороне все чуждое православному мировосприятию, найти в них много поистине высоких и великих мыслей, чистых нравственных идеалов». Так пишет Пётр Малков.

Василий Великий рассматривает мудрость и красоту античной литературы и философии в одном конкретном аспекте – в свете её важности для постижения через неё премудрости Господней, и следовательно – помощи литературы и философии в обретении спасения.

«Нам предлежит подвиг важнейший всех подвигов подвиг, для которого всё должно сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и с стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от которого может быть какая-либо польза к попечению души».

В этом поучении Василий видит пастырскую необходимость помочь своим слушателям в обретении рая, потому и его слова касаются именно этого аспекта значения литературы и философии – обретать там мысли созвучные истине и учащие более полно видеть истину в Писании, так как читатель уже будет подготовлен к восприятию красоты и мудрости Писания. И, действительно, человеку знакомому с Платоном и Шекспиром легче объяснить, в чём величие и красота христианства.

Итак, по Василию литература и философия служат конечной цели спасения, образуя души читателей в добре и к добру.

«Не убегайте от людей, которые рассуждают право», – говорит Василий, обращаясь к тем, кто избегает красот античной мудрости и литературы, и сравнивает их с теми, кто избегает лекарства настоящести, хотя сам болен тяжелейшей болезнью неподлинности.

Другая важная мысль Василия заключается в том, что всякое дело человека на земле есть искусство и творчество. *«Домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и сим подобные»*. Поэтому всё зависит от того, смотрит ли творящий человек на Бога в момент творения, хочет ли он добра другим, ибо только такой вектор направляет творчество к небу.

У святого Максима Исповедника есть мысль, продолжающая линию рассуждения Иустина Философа. Дух Святой, как Поддерживающий жизнь, действует в каждом человеке, как призывающий к добру и истине (что называется призывающей благодатью) – тоже в каждом, как открывающий тайны бытия только в тех христианах, которые живут по Духу. Другими словами, это творчество, так как способность видеть суть целиком связана с умножением красоты. Хотя и тут действие Духа таинственным образом связано с тайным откли-

ком человека и готовностью последовать за Духом и истиной.

Блаженный Иероним Стридонский, знаток и ценитель античной словесности, так говорит в защиту красоту людской мысли и против ревнителей не по разуму: *«За что терзают меня враги мои и против молчащего хрюкают эти жирные свиньи? Ведь для них вся наука, больше того, – вершина всякой мудрости состоит в том, чтобы поносить чужое и доказывать неверие древних даже до потери собственной веры. Моё же правило: читать древних, одобрять некоторых, усваивать, что хорошо в них, и не отступать от церкви кафолической».*

Иоанн Златоуст пишет о том, как люди делали изображения епископа Мелетия для своего утешения.

Тут святой отец открывает для нас ещё одну важную грань творчества – утешительную. Ибо оно несёт в себе весть о грядущей победе добра и в бытии в целом, и в каждой конкретной истории доброго человека.

Григорий Нисский не мог без слез проходить мимо изображения Авраама приносящего в жертву Исаака.

Этот случай говорит, что слёзы, вызванные подлинным творчеством, есть благодатные слёзы, которые рождаются в человеке только тогда, когда душа его прямо прикоснулась к раю. Так, подспудно, святой Григорий Нисский открывает, что ещё один из смыслов искусства – явить рай, смысл, истину, дать возможность прикоснуться к Духу.

Григорий Богослов рассказывает, как женщина, идущая на свидание с юношей, увидела изображение мученика и поняла, что не нужно делать грех и возвратилась.

Тут святой раскрывает ещё одно свойство искусства – возводить души к добру не через унылую мораль, но являя красоту как достижимый для зрителя идеал, и, одновременно, как высшую цель его жизни – постоянного восхождения в благодати и умножения своим трудом красоты и света.

О Григории Богослове так же вспоминают, что он цитировал в письмах античных авторов не реже писания. И он же защищает тех, кто любит красоту античной мысли, утверждая, что она принадлежит не язычеству, а языку.

Об одном авторе он пишет: *«Хвалю сказавшего это, хотя он и не наш»*. То есть, всякая вообще красота, всякий отблеск истины всегда принадлежат христианству.

Большая часть стихов написанных святым Григорием датируется последними годами его жизни, то есть, вовсе не относится к юношеским забавам. Темы стихов не только богословские, но и автобиографические или на смерть друзей. Впрочем, подлинный поэт не просто описывает какую-то тему, но выражает некие важные аспекты сути и духовных законов, которые действуют в том, о чём он говорит. Поэт прозревает мир до этих самых духовных законов. Григорий был поэтом и выражал своё ощущение истины через стихи, как и вообще через свои писания. Он же старался осмыслить стихи с литературоведческой точки зрения.

В своём небольшом произведении «О стихах своих» Григорий напоминает противникам искусства и стихосложения тот факт, что Давид, *играя на лире и распевая песни, отгонял этим злого духа подступавшего к душе царя Саула. То есть, благодать, звучащая в подлинном искусстве сильна отгонять тьму от людей и дарить им жажду перемены*. Далее Григорий сравнивает стихосложение с колесницей для доброты, которая быстрее всего способна доставить добро душе. Искусство дарит слушателю наслаждение красоты и «люди чрез благопристойное наслаждение приводятся в общение с Богом».

Далее, обращаясь к противникам стихов, святой говорит: *«Что может быть полезнее этого (общения с Богом через искусство)? И ты, ревнитель строгости, нахмуривающий брови и самоуглубляющийся в себя, разве*

не подкладываешь сладостей в кушанье? За что же охуждаешь мою речь, дела ближнего измеряя своей мерой? Не сходятся между собой пределы мидян и фригиан; не одинаков полет у галок и орлов».

То есть, по Григорию, подлинное искусство даёт душе касаться Бога и общаться с Ним. При этом святой явно осознаёт, что его собственные стихи ведут людей к той же цели, потому что они настоящие. Он чувствует дуновение Духа в своих стихах, и, при личном смирении, готов перед всяким доказать настоящность и пронизанность Духом того, что он пишет. Всего святой написал около 500 стихов, обращаясь к поэзии в пору наивысшей писательской и духовной зрелости.

Красота бытия для святого была красотой Господней, сияющей во всём, что есть в мире доброго и прекрасного. Он пишет: *«Троица, и неясные тени Которой приводят меня в восторг»*. Свет всегда есть свет Господень, но мы придаём ему новые формы сообразно своей неповторимости.

О чем бы ни писал Григорий: жалуется ли он на завистников, сетует ли на переживаемую боль, вспоминает былое или изрекает мудрость – он всё оценивает Богом и высотой, даже когда прямо не говорит о вере. Вера для него есть образ познания и осмысления, который даёт цельность взгляда, на что бы он ни смотрел.

«В дар Слову принести и слова» – вот отношение Григория к дару умножать красоту словом.

Христианин по Григорию, не может быть необразованным и отрицающим значение культуры, в красоте которой он видит красоту, поддерживаемую благодатью Господней, хотя это часто и неявно для самих творцов красоты. А, поскольку источник красоты – только Бог, то и вся языческая мудрость, согласно Григорию, принадлежит христианству, которое одно способно оценить

её по достоинству и в контексте сотворённого Троицей мира.

Бог даёт людям благодать, которой те умножают красоту, каждый по мере и образу своих талантов. Потому все красоты и ценности мировой культуры, как мыслит Григорий, пронизаны Богом и принадлежат Ему, и лишь Он вдохновляет творческих людей творить.

В богословии Григория Паламы (как пишет Иоанн Менендорф), человек *«осуществляя своё личное спасение, увлекает за собой все свои взаимоотношения, все личные атрибуты, всё, что связано с ним... таланты, творения рук своих и так далее... Можно думать, что Моцарт будет спасён вместе со своей музыкой»*, потому что то, чего коснулся Дух, умереть не может.

Конкретные проявления культуры и людских дел спасаются лишь через причастие благодати, которое сообщает им приобщённый благодати человек.

И здесь, думая об этом, мы должны помнить, что «Дух дышит где хочет», или, по слову Антония Сурожского: «Дух разлит везде, даже там, где о Нём не знают».

В контексте богословия Григория Паламы, мы наиболее полно понимаем формулу Иустина Философа «Всё, что добро – всё наше». Наше – потому, что это добро (часто тайно от человека) живит тот же Дух, что живёт в христианстве.

Истинное творчество даже у язычников никогда не направлено на служение своему «я», но, на радость, того и тех, кто нам дорог.

Подлинное творчество – всегда есть служение Богу, даже если Он неведом автору. Тогда Сам Дух, касаясь творения, удостоверяет живущих по Духу людей, что сделанное автором дело хорошо, то есть – благодатно, причастно вечности. «По плодам их узнаете их» – говорит Христос.

Православная библиотека – Orthodox Logos

- *Песня церкви - Праведники наших дней* – Артём Перлик
- *Сказки* – Артём перлик
- *Патристика* – Артём Перлик
- *Патристическая филология* – Артём Перлик
- *Следом за овцами - Отблески внутреннего царства* – Монахиня Патрикия
- *Откровенные рассказы странника духовному своему отцу*
- *Семь слов о жизни во Христе* – праведный Николай (Кавасила)
- *О молитве* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Об умной или внутренней молитве* – преподобный Паисий (Величковский)
- *В помощь кающимся* – святитель Игнатий (Брянчанинов)
- *Христианство по учению преподобного Макария Египетского* – преподобный Иустин (Попович), Челийский
- *Священное Предание: Источник Православной веры* – митрополит Каллист (Уэр)
- *Толкование на Евангелие от Матфея* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Марка* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Луки* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Толкование на Евангелие от Иоанна* – святой Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский
- *Таинство любви* – Павел Евдокимов
- *Мысли о добре и зле* – святитель Николай Сербский (Велимирович)
- *Миссионерские письма* – святитель Николай Сербский (Велимирович)

«Лучшей сказки чем жизнь, не существует!» – эти слова из автобиографии Ганса Христиана Андерсена можно считать одним из эпиграфов к творчеству писателя Артёма Перлика. В этой книге автор сумму своих знаний выражает в осмыслении христианского, евангельского взгляда на жизнь. «Патристическая филология» – не анализ и не синтез информации (или знаний) о явлениях и предметах, это осмысление бытия, которое состоит и будет состоять из трудов философов и богословов, а каждая тема только повод к речи, в которой смысл жизни, для удобства восприятия, предстаёт в образах сказки.

Книга будет интересна верующим людям, филологам и богословам, тем кто в печали, тем кто ищет вдохновения, тем, кто одинок в своих взглядах на мир.

Артём Александрович Перлик – поэт, писатель, сказочник, православный патолог, преподаватель. Родился в 1981 году в городе Донецк. Поэтический дар открылся в раннем детстве и развился в масштабную литературную, научную и просветительскую деятельность. Творчество представлено стихами, сказками, притчами, рассказами, научными статьями и эссе.

